

В. Л. Лехциер

Спор как экзистенциал¹

«Век спорят, сами не зная о чем... Спорь до слез, а об заклад не бейся... Он вечно спорит, вздорит, строптив... Спор во всем, кроме власти Божьей... Спорилась вода с огнем, кто кого пересилит... Доспорите завтра, пойдем.. Поспорить? Я не прочь! Проспорили до бела света. Спор дороже денег. Спор себя дороже. Не ради дела, а ради спора... Без спорного слова, не беседа».

Даль В. «Толковый словарь живого великорусского языка»

Эта статья посвящена спору как реальному человеческому опыту, его *особому* измерению. В том, что оно есть, лично у меня нет никаких сомнений (подозреваю, что тут уже возникает первый повод для спора!). Я чувствую, что в моей жизни спор занимает фундаментальное место. Думаю, что подобное же скажут о себе многие. Человек не может жить, не споря. Вопрос как раз состоит в том, *почему это так*, какая роль отпущена спору в человеческой жизни, что говорит о человеческом опыте одна из его весьма не безобидных онтологический возможностей — возможность спора?

Опыт — это прежде всего переживание, взятое онтологически, как жизнь в модусе «пере». В переживании переживающий *впервые* живет своим собственным, начинает *становиться собой* и одновременно живет *другим* в силу интенциональной структуры экзистирующей экзистенции. Жизнь в модусе «пере» имеет специфический *событийный* хронотоп: онтологическую неуместность, атопию и незавершенность вечного Теперь². Подобный хронотоп придает опыту *черновой* характер. Чистовик не имеет экзистенциально-онтологических

оснований. Опыт — это перемаранный тысячи раз черновик в принципиальном *отсутствии чистовика*. Пример искусства — тому наглядное подтверждение. Так, скажем, сейчас ясно, что в традиционной паре черновик—чистовик именно черновик оказывается собственно художественным феноменом, а власть чистовика над черновиком в европейской культуре является по меньшей мере следствием «микрофизики власти» различных социальных практик³. Но черновик в сфере искусства — не единственный пример, иллюстрирующий черновой характер опыта как такового. Существуют и другие *экзистенциалы*, другие основополагающие типы переживания, в которых человек живет в модусе «пере». Поэтому вполне возможна и даже необходима для последовательной экзистенциальной онтологии опыта разработка *феноменологической онтологии черновых состояний*.

В частности, к таким черновым экзистенциалам относится, на мой взгляд, спор. Спор — одно из фундаментальных черновых состояний, в котором человек сбывается в своем собственном. Такой взгляд на спор для философии, по-моему, вполне нов. Поэтому, чтобы описать опыт спора в рамках онтологии черновых состояний, необходимо для начала провести различающую *типологию спорности*. Это позволит, пока только отрицательно, подобраться к проблеме, к самой возможности ее постановки.

Итак, спор. Типологию спора по *его целям* предложил Сергей Иннокентьевич Поварнин в 1918 г. в книге «Спор. О теории и практике спора» (или «Искусство спора» — в 1923 г.)⁴. Он выделяет пять видов спора. 1. Спор как средство «разъяснения истины», как «совместное расследование истины»⁵. Это чистая и «высшая форма спора, самая благородная и самая прекрасная»⁶. 2. Спор, направленный не на выяснение

¹ Работа подготовлена при финансовой поддержке Института «Открытое общество» (Фонд Сороса).

² Лехциер В. Л. Введение в феноменологию художественного опыта. — Самара, 2000. — Гл. 1, п. 1.2.

³ Лехциер В. Л. Указ. соч. — Гл. 3, п. 3.2.

⁴ Поварнин С. Спор. О теории и практике спора // Вопросы философии. — 1990. — № 3.

⁵ Там же. — С. 73.

⁶ Там же.

истины, а на «убеждение в ней противника»⁷, либо бескорыстное убеждение, либо преследующие какие-либо побочные споры цели. Тезис здесь не важен, важно само переубеждение. 3. Спор, преследующий одну цель — победу. 4. Спор «ради спора»⁸, спор как «зуд к спору». Тут спорщик может спорить о чем угодно и доказывать прямо противоположное. 5. Спор как игра и упражнение.

Любопытная и явно не бесспорная типология! Главное, что она не поставлена на фундамент опыта. Так, например, спор как стремление убедить может иметь прямо противоположные опытные основания: гносеологические и экзистенциально-онтологические. А вкупе со спором «ради спора» и спором как стремлением к победе (непонятно, почему «убедить» и «победить» здесь нечто разное) образует то единое пространство и время спора, где самым важным становится его экзистенциальное измерение. Эту типологию Поварнин набросал довольно бегло, все внимание уделив своему идеалу «правильного спора» и тому, что ему мешает. Поэтому надо все-таки провести фундаментальную типологию спорности.

1. Спор «по правилам» или спор как *дискуссия*

Чаще всего мы говорим о споре в связи с *истиной*, с ее достижимостью или недостижимостью («В споре рождается истина», «В споре истина никогда не рождается»). Такой спор есть *способ познания истины* и, следовательно, имеет *гносеологические* основания. Его цель — очевидность, бесспорность, истина, традиционно понимаемая как *соответствие*. Подобное понимание спора восходит к греческой и китайской античности. Например, в трактате «Мо-цзы» (IV—III вв. до н. э.) сказано: «Побеждает в споре тот, чье мнение соответствует действительности»⁹. Замечательная и уникальная во многих отношениях книга Поварнина посвящена

⁷ Поварнин С. Указ. соч. — С. 73.

⁸ Там же. — С. 75.

⁹ Древнекитайская философия: В 2 т. — М., 1994. — Т. 2. — С. 71.

как раз такому спору. Спор как способ познания истины должен проходить по правилам. Спорящие должны ясно различить предмет спора и тот тезис, вокруг которого, собственно, и сыр-бор. Они должны тщательно произвести выбор пунктов разногласия, от чего зависит судьба всего спора. Главное требование к спору — сохранять ясность и отчетливость мышления на всем его протяжении и *сосредоточенность* на спорном тезисе («Бесформенный спор такого средоточия не имеет»¹⁰). Для этого нужно определить понятия, фигурирующие в споре, заучить их, выяснить количественную степень дискутируемого тезиса и его модальность. Выводы из доводов должны следовать с аподиктической очевидностью. Нельзя допускать иллюзию ясности. Нельзя отступать от тезиса, подменять тезис, забывать. Итак, видно, что спор — это основательная логическая работа, что она должна исходить не только из «решающих различий», которые провел Э. Гуссерль в «Логических исследованиях», но вообще оставаться в атмосфере полной прозрачности и различительной мощи разума. Для Поварнина спор — это практическая логика. Лучше, если это вообще *письменный* спор: в нем на первом плане выступает логическая составляющая, в устном же споре начинают играть роль всякие нелогические штучки: манера спорить, быстрота мышления, психологические уловки (например, выведение противника из равновесия, отвлечение внимания, внушение...). В особенности раздражают Поварнина так называемые «софизмы» в споре: всякие *сознательные* логические смещения, подмены, подтасовки, отступления, мнимые или произвольные доводы и т. п.

Спор как способ познания истины выступает необходимым условием возможности рационального мышления как такового, поскольку идея *ratio* неотделима от идеи необходимости доказательства, а доказательство предполагает спор. Как писал Л. Фейербах, «мыслитель *раздваивается* при доказательстве; он сам себе противоречит, и лишь когда мысль испытала и преодолела это противоречие с самой собой, она

¹⁰ Поварнин С. Указ. соч. — С. 69.

считается доказанной. Доказывать значит оспаривать...»¹¹. Спор различных логик пронизывает «диалогику» теоретического разума. В. С. Библер раскрыл процесс теоретического творчества как непрерывающийся «внутренний спор» в голове теоретика между логикой математики и логикой физики, между теорией и философией, разумом теоретическим и практическим, а также эстетическим. Спор различных логик бытия, ведущийся в пространстве социума, будучи инкорпорированным в сознание теоретика, в его внутреннюю речь, представляет собой, по Библеру, «логическую форму творческого мышления»¹². Гносеологические притязания разума необходимым образом порождают его спор с самим собой. Кант говорит об этом как о «естественной антитетике», «сети которой вовсе не приходится преднамеренно расставлять на пути разума, так как он сам, и притом неизбежно, попадает в них»¹³. Познавая истину, разум имеет дело с определенной суммой условий, а следовательно, ему дана идея о сумме всех условий, то есть безусловном. Категории, расширенные до безусловного, до абсолютного синтеза всех условий, становятся *трансцендентальными идеями*, которые в своем неправильном применении, то есть расцененные как объективные представления о предметах, являются *трансцендентальной иллюзией*. Трансцендентальная иллюзия — трагическая карма гносеологического разума, то есть разума, стремящегося к объективной истине.

С точки зрения самого Канта, спор идей, не имея познавательного конститутивного значения, имеет *регулятивное* значение и коренится в *практическом разуме*. Кант наметил, таким образом, возможность экзистенциального обоснования непрерывающегося спора разума с самим собой.

Спор как способ познания истины (неважно, устный или письменный) лежит в основе ряда институтов. Например, спор защиты и обвинения в судебной тяжбе. Или научная дискуссия.

¹¹ Фейербах Л. Избранные философские произведения. — М., 1995. — Т. 1. — С. 73.

¹² Библер В. С. Мышление как творчество. — М., 1975. — С. 70.

¹³ Кант И. Критика чистого разума. — М., 1994. — С. 257.

Или разные формы дебатов и публичной полемики, практикуемые в тех или иных сферах социальной жизни (политика, журналистика, образование, религия). Худо или бедно, но идеалом здесь везде служит «правильный спор» Поварнина.

Более того, можно сказать, что такой спор непосредственно участвует в «социальном конструировании реальности» (Бергер, Лукман). В той мере, в какой «Реальность является социально определяемой»¹⁴, она создается в ходе споров различных символических универсумов, легитимирующих «на самом высоком уровне всеобщности»¹⁵ тот или иной институциональный порядок. Символические универсумы поддерживаются *концептуальными механизмами* и имеют *теоретический* характер. Например, концептуализация мира и человека в традиционной медицине складывалась и продолжает поддерживаться в споре за истину с аналогичной концептуализацией в нетрадиционной медицине. Борющиеся за истину концептуализации создают реальность. «Блестящей исторической иллюстрацией этого процесса является развитие христианской теологической мысли вследствие ряда еретических вызовов, брошенных «официальной» традиции... Как и при любом теоретизировании, в ходе этого процесса в рамках традиции появляются новые теоретические построения, и сама традиция согласно новой концептуализации меняет свою первоначальную форму... Так, среди других новшеств возникла теоретическая концепция Троицизма, которая не только не была обязательной, но и вовсе отсутствовала в раннехристианской общине»¹⁶. Можно также сказать, что спор этот совершается прежде всего усилиями «постоянного персонала по легитимации поддержания универсума» или «универсальных экспертов»¹⁷.

Спор «по правилам», спор как познание объективной истины ведется в пространстве отвлеченного разума, он

¹⁴ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. — М., 1995. — С. 190.

¹⁵ Там же. — С. 172.

¹⁶ Там же. — С. 175–176.

¹⁷ Там же. — С. 191–192.

стремится к беспристрастности, к редукции всего, что может помешать его строгости; за скобки выносятся собственно экзистенциальный интерес человека, его *частная истина*. Коренящийся (как и любой опыт человека) в экзистенции, он разворачивается как бы на почтительном расстоянии от нее, от необходимости бытия в своем собственном.

2. Спор как интеллектуальное состязание. Спор(т)

Такой спор преследует только одну цель — развитие логических способностей. В каком-то отношении он является приложением к первому типу спора, выполняя прикладную функцию. Это спорт, интеллектуальный туризм, логический тренажер. Человек не участвует в нем всей своей целостностью, всем своим существованием, поэтому экзистенциальные основания такого спора также находятся под большим вопросом. В истории культуры есть примеры, когда спорить подобным образом считалось не только возможным, но и крайне полезным. Можно вспомнить практику софистов, обучающих спору, искусству убеждения — главным образом в целях выигрывания судебных дел. Даже Платон, с пренебрежением относящийся к софистам, был не прочь поупражняться в доказательствах. В диалоге «Парменид» Паренид советует Сократу, прежде чем браться за определение прекрасного, справедливого, благого, «поупражняться побольше в том, что большинство считает и называет пустословием»¹⁸, и предлагает тему, начатую Зеноном, — немного-немало: знаменитую *диалектику единого и многого*. На споре как интеллектуальном упражнении построена вся древнееврейская талмудическая традиция. Тысячи мудрецов проводили свою жизнь в дебатах и дискуссиях, следуя императиву Талмуда (*древнеевр.* «изучение») — изучать Тору прежде всего *ради самого изучения*. Один из выдающихся израильских философов (экзистенциалистов) Рабби Адин Штайнзальц, создатель перевода Талмуда на современный иврит, пишет: «Тому, кто погрузил-

¹⁸ Платон Собрание сочинений: В 4 т. — М., 1993. — Т. 2. — 135de.

ся в текст Талмуда, изучение не несет ничего, кроме самого знания. Рассмотрения и анализа достоин любой вопрос, если он имеет отношение к Торе... В процессе же изучения вопрос о практическом значении разбираемого предмета никогда не ставился. Мы обнаруживаем в Талмуде страстные и длительные споры, во время которых участники стремились постигнуть природу метода и объяснить полученные при его помощи заключения. Ученые не жалели своих усилий даже в тех случаях, когда знали, что исследуемый источник был отвергнут и не получил законообразующего значения. Вот почему порой очень горячие споры велись в связи с проблемами, имевшими место лишь в отдаленном прошлом и не имеющими никаких причин возникнуть когда бы то ни было снова»¹⁹.

3. Экзистенциальный спор

3.1. Спор как пари или «битва об заклад»

Это совершенно особый опыт спора и имеющий уже непосредственное отношение к экзистенции. Я бы назвал его опытом *экспериментальной и экстремальной гносеологии*. Цель пари та же, что и в «правильном споре», — найти истину и доказать свою правоту. Но истина здесь уже не соответствие действительности, а сама действительность. Истина случается, становится реальным обстоятельством, бытием. Пари — это особый спор. По сути, это не просто спор человека с человеком, это опыт как *испытание судьбы*. Судьба в лице случая — единственный арбитр спора, именно она устанавливает истину. Закрывающий пари напрямую апеллирует к судьбе. Это не просто апелляция, а настоящий метафизический рэкет, гносеологический шантаж, вымогательство у судьбы истины, которую она творит чужими руками. Закрывающий пари ставит на кон. В этом отличие «битвы об заклад» от тотализатора, рулетки, игры в кости или лотереи, также полагающихся на волю случая. Пари — это не просто жребий. Закрывающий пари ставит на кон либо часть себя, либо всего

¹⁹ Штайнзальц А. Сущность талмуда. Евреи и еврейство: Сб. ист.-философ. эссе. — Иерусалим, 1991. — С. 30.

себя: честь, репутацию, жизнь. Закладывая свою жизнь, становясь заложником судьбы, заключающий пари тем не менее хитрым образом берет судьбу в заложницы, не давая ей шанса уклониться от ответа.

Йохан Хейзинга нам, конечно, скажет, что в основе пари лежит агон, состязательность. Но думаю, что Хейзинга не совсем прав в этом вопросе. Пари Паскаля — не состязание, ибо в качестве заклада предложена — душа. Пари Вулича — это не состязание, а смертельное искушение, испытание судьбы. В **лермонтовском «Фаталисте»** пари достигает абсолютной чистоты жанра. В определенный момент обычной дискуссии вокруг существования или несуществования фатума раздается голос поручика Вулича: «Господа, — сказал он... — к чему пустые споры? Вы хотите доказать: я вам предлагаю испробовать на себе, может ли человек своевольно располагать своею жизнью, или каждому из нас заранее назначена роковая минута... Кому угодно?»²⁰. Вялая и пустая дискуссия сразу приобретает другое измерение. Судьба здесь — не только арбитр пари, но и его предмет, а залогом служит жизнь человека. Это пари в чистом виде, в своей предельной возможности.

Спор как пари выводит человека в модус «пере», как бы онтологически подвешивает его между небом и землей, лишает обычной устойчивости. В этой ситуации человек поставлен под вопрос, решается его участь. И это, безусловно, черновой, незавершенный способ бытия. Но в самом своем истоке, зачине, совершенно априорно он все-таки предполагает завершение. Мало того, он нацелен на него. Это черновик, желающий чистовика. Чистовик — это сияние случившейся истины, расставляющей все по местам. Истинно то, что произошло. Произошло то, что не могло не произойти. Порядок восстановлен, явлен, завершен. Судьба делает последний штрих мастера — и полотно возникшей проблемы перестает быть актуальным и в конце концов списывается в архив.

²⁰ Лермонтов Ю. Собрание сочинений: В 4 т. — М.; Л., 1985. — Т. 4. — С. 466.

3.2. Спор как черновик

- A. Спор как ответ на вызов. *Ното polemicos*.
- B. Спор как *бытие другим*.
- C. Транс-спор или спор супрематический.

A. Спор как ответ на вызов. *Ното polemicos*

Это самый воинственный модус спора. *Polemos (гр.)* — война. Воинственность вызвана *онтологической задетостью* спорящих. Здесь спор наиболее близок своей этимологии: слово «спор» восходит к о.с. корню *rog — «переть», «напирать». С-пор есть рас-пря (*старорус.*), спорщик — со-пер-ник (*старорус.*). Этот спор действительно *разгорается*. Любопытные наблюдения приводит Д. Лакофф и М. Джонсон в статье «Метафоры, которыми мы живем»: «Крайне важно иметь ввиду, что мы не просто говорим о спорах в терминах войны... Лицо, с которым, мы спорим, мы воспринимаем как противника»²¹. Отсюда: «Я разбил его аргументы», «его замечания были точно в цель», «атаковать позицию» и т. д.

Чем вызвана эта воинственность? У Поварнина есть удачное понятие — «*корни спора*». Разногласия в споре могут иметь глубокие корни, восходить к каким-либо *принципам, началам*, и если они противоположны у спорящих, то спорить о них бесполезно и не нужно. «Если оба спорщика не видят, что суть их разногласий в корнях спора, и не ищут корней, спор превращается часто в ряд неосмысленных и бесцельных схваток»²². С точки зрения познания объективной истины — действительно «бесцельных», но только не с точки зрения истины экзистенциальной, истины *моей* (С. Киркегор). Экзистенциальный спор — это принципиальный спор о смысле бытия, ведущийся в интересах экзистенции. Свобода или необходимость, бесконечность или конечность, единое или многое, с Богом или без Бога — все эти выделенные Кантом антиномии, как и многие другие, в таком споре имеют экзистенциальное значение, затрагивают мое существование в целом.

²¹ Лакофф Д. Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем // Теория метафоры: Сб. — М., 1990. — С. 388.

²² Поварнин С. Указ. соч. — С. 91.

Такой спор возможен, если спорящие всерьез *отождествляют* себя (хотя бы в данную минуту), *отождествляют* свое «я» с одним из тезисов, например с тем, что «человек свободен», или, наоборот, что «человек несвободен». Или отождествляют себя с какими-либо наличными проявлениями этого тезиса, например с церковью, партией, царем, героем и т. п. Тогда их опровержение будет опровержением меня самого. Оно переживается как покушение на мое «я», покушение, требующее ответа. Вот пример из романа **Милана Кундера «Бессмертие»**: «Взгляните на эту пару. Их спор ничего не изменит, не приведет ни к какому решению, не повлияет на ход событий, он абсолютно бесплоден, излишен, рассчитан лишь на эту столовую с ее затхлым воздухом, вместе с которым он выветрится, как только уборщицы откроют окна. И все же обратите внимание на эту сосредоточенность маленькой аудитории вокруг стола! Все стихли и слушают их, забыв кофе. Обоим противникам теперь уже все трын-трава, кроме одного: кто из них будет признан этой частицей общественного мнения, обладателем истины, поскольку быть признанным тем, кто этой истиной не обладает, для каждого из них не что иное, как потеря чести. Или потеря собственного „я“. Сам по себе взгляд, который они отстаивают, особенно их не волнует. Но поскольку этот взгляд они когда-то сделали атрибутом своего „я“, любое его ущемление подобно болезненному уколу»²³.

Кундера предлагает простую, но любопытную схему существования «я»: оно может существовать методом *сложения* или методом *вычитания*²⁴. «Я» homo polemicus живет по принципу сложения. Причем, как тонко замечает писатель, такое «я» неизбежно становится пропагандистом того, с чем себя отождествляет, борцом, поскольку угроза, направленная на подобный атрибут «я», угрожает самому «я», его онтологическим основаниям. «Я» оказывается *задетым в своих основах*. Оно как бы выдернуто из обычного хода жизни, спровоци-

²³ Кундера М. Бессмертие. — СПб., 1999. — С. 136.

²⁴ Там же. — С. 110.

ровано, поставлено под вопрос. В этой ситуации оно не может быть *публичным*, не может уклониться от ответа, не может притвориться, как будто ничего не произошло. Это означало бы отказ от ответственности, потерю лица, потерю чести, сдачу на милость победителю. Выброшенное на простор публичной угрозы Dasien нуждается в новом завоевании своего «вот». Polemos и есть *зановозавоевание* своего «вот», *зановосамоопределение*, осуществляющееся в схватке. Оно целиком сбывается в модусе «пере», в «месте неместа», во время актуального Теперь (или в «вечности», как говорит Достоевский о столкновениях своих героев).

Самое интересное, что эта схватка не может быть закончена, но только прекращена, прервана. Тут нет мира, а есть лишь перемирие. *Вызов существует всегда, мы пребываем в пространстве вызова, и потому мы всегда онтологически задеты*. Он лишь олицетворяется, персонифицируется в том или ином противнике, но никогда не прекращает ставить нас под вопрос. Поэтому спор как ответ на вызов *незавершаем*. Это вечный спор, вечный черновик, который мы кроим и перекраиваем, варьируем на тысячи ладов, постоянно повторяем, воспроизводим, в котором участвуем и который творим. Отцы и дети, западники и славянофилы, правые и левые, архаисты и новаторы, красные и белые, националисты и космополиты — бесконечная череда радикальных и принципиальных вызовов.

Б. Спор как бытие *другим*

Вместе с тем экзистенциальный спор может разворачиваться прямо противоположным образом. Альтернативная стратегия такого спора — это *бытие другим*. Спорить — значит быть другим. Бытие другим — это *бытие в возможности*, а бытие в возможности — это *становление*. Спорить — значит становиться, потому что для спорящего открываются новые онтологические горизонты, открывается возможность изменения, трансформации. Спор есть разновидность трансценденции, выхода за пределы своего собственного, обретение собственного в другом. Спорящий не только принимает «роль

другого» (Дж. Мид), не только встает на точку зрения другого, но ищет «да» в «там». Понимать другого, проживать с ним его мысль, «влезать в шкуру другого» — значит разотождествлять свое «я» с тем, с чем оно было отождествлено, терять то устойчивое «я», которое было до опыта спора, и находить его в споре заново как возможность иного или возможность быть другим. Другой — не замена для «я» и не новое «я», но инстанция, указывающая направление, путеводитель. Нельзя *стать* другим, потому что другого нет как ставшего, другим можно только становиться. Бытие другим — это еще одно черновое состояние, незавершенный способ быть, переживание, понятное онтологически, как жизнь в модусе «пере».

Проиллюстрируем обе стратегии экзистенциального спора в ходе анализа повести **Джона Фаулза «Башня из черного дерева»**. Главные спорщики здесь — два художника, прославленный семидесятилетний живописец Генри Бресли и молодой талантливый колорист и искусствовед Дэвид Уильямс. Кульминация повести — спор, разгоревшийся за ужином, в первый же день приезда Дэвида в Котминэ (усадьба Бресли). Но спор организует все произведение, с начала и до конца. С первых же страниц повествование как бы устремлено к нему, а затем, уже после случившегося поединка, все живет его отголосками и продолжениями. Поединок кажется тем неотвратимей, чем чаще возникает фигура уклонения и предостережения от спора. Прежде всего, Дэвида предупреждал его начальник, глава лондонского издательства, придумавший командировку Дэвида в Котминэ: «*Не спорьте* с ним об Англии и англичанах, *избегайте* разговоров о его пожизненном изгнании»²⁵ (курсив мой. — В. Л.). Дэвид почувствовал возможность столкновения, поскольку «мнение Бресли о том, что полная беспредметность — ложный путь в искусстве, было широко известно», и «надеялся *избежать* споров, но если это не удастся, то он *примет бой* и попытается втолковать старику, что современному обществу уже не свойственна подобная узость взглядов. Доказательством слу-

²⁵ Фаулз Д. Коллекционер: Роман, повесть. — СПб., 1993. — С. 278.

жит хотя бы тот факт, что Дэвид принял предложение издательства»²⁶ (курсив мой. — В. Л.).

Собственно говоря, к этому моменту все необходимые логические различения проведены: мы уже знаем предмет будущего спора, — беспредметное искусство, — знаем тезис Бресли, что оно — «ложный путь в искусстве», знаем антитезис Дэвида, согласно которому в современную эпоху не может быть ложных или истинных путей в искусстве, все пути возможны, и, наконец, даже знаем примерный характер его аргументации. Антитезис Дэвида, очевидно, предполагает гносеологический, «правильный спор», в котором ищется истина как соответствие действительности. А действительность такова, что нет надобности спорить, поэтому, по сути, позиция Дэвида бесконфликтна и заранее примирительна, ее также можно рассматривать как форму уклонения от спора. Он и в самом деле старался уклониться от спора в Котминэ: «Дэвид не стал спорить. Старик произносил имя Пикассо так, что оно приобретало неприличное звучание»²⁷, в разговоре с Мышью опять-таки «он не стал спорить — его дело сторона»²⁸. Мышь в свою очередь советует Дэвиду не обращать внимание на язвительные реплики Бресли, не терять выдержки, хотя тень скандала уже промелькнула и знание Бресли о том, что его гость — талантливый художник-абстракционист, не оставляет никаких сомнений на счет неизбежной схватки.

И вот поединок состоялся. Бресли все-таки спровоцировал Дэвида: «Пифагор», «обструкция» (вместо абстракция!), «кубистская бессмыслица» — неприкрытое нападение на Дэвида, вызов брошен. Это слово, кстати, прозвучит ближе к финалу повести, когда Дэвид, продолжая спор уже с самим собой, осознает, что «именно вызов ему и был брошен»²⁹. Спор сразу начался как «бой», о чем не раз говорится к тексту, не как спор гносеологический, заботящийся об объективной истине, а как спор экзистенциальный, как поединок личностей,

²⁶ Фаулз Д. Указ. соч. — С. 285.

²⁷ Там же. — С. 296.

²⁸ Там же. — С. 302.

²⁹ Там же. — С. 376.

поставивших — каждая всю себя — на то или иное направление в искусстве и, следовательно, на то или иное отношение к жизни. «Для меня она имеет смысл, сэр», — принимает вызов Дэвид, отстаивая свое право на *частную истину*. Первый раунд закончился относительно мирно. Дэвид по-прежнему придерживался тактики уклонения от спора: «До конца ужина Дэвид, по молчаливому уговору с Мышью, старательно избегал разговора об искусстве»³⁰ (курсив мой. — В. Л.).

Однако спор только прервался, но не завершился. Второй раунд начался новым выпадом Бресли: «логарифмическая линейка», «величайшая измена в истории искусства», «триумф евнуха»³¹. Характерно, что Бресли не заботится о чистоте тезиса и бьет, как автоматной очередью, сразу по нескольким точкам одной мишени. Приведем полностью последующий и важнейший фрагмент поединка.

«— Но разве философии не нужна логика? А прикладной математике не нужна чистая форма? Так же и искусство должно иметь свои основы.

— Бред. Не основы. Зады. — Старик кивнул на Мышь. — Пара сисек и... И все, что положено. Такова реальность. А не ваши дурацкие теории и педерастические краски. Я знаю, Уильямс, против чего вы все ополчились.

Мышь тем же ровным, невозмутимым тоном перевела:

— Вы боитесь человеческого тела.

— Просто меня больше интересует разум, чем половые органы.

— Да поможет бог вашей жене.

— Кажется, мы говорили о живописи, — спокойно заметил Дэвид...

Наступила напряженная пауза, старик глядел неподвижным взглядом, соображая, что сказать в ответ; сцена эта напомнила поединок фехтовальщиков, снятый замедленной съемкой.

— Кастрация. Вот ваши правила игры. Разрушение.

³⁰ Фаулз Д. Указ. соч. — С. 307.

³¹ Там же. — С. 310.

— Есть более страшные разрушители, чем нефигуративное искусство.

— Бред.

— Попробуйте убедить в этом жителей Хиросимы. Или тех, кого жгли напалмом.

Старик сердито фыркнул. И снова — молчание.

— Точные науки лишены души. Беспомощны. Крыса в лабиринте...

Разговор перешел на грубую брань и личности, и Дэвид понимал, что пытаться защитить себя или привести разумные доводы — значит подлить масла в огонь.

— Знаю я вашего брата. — Старик, уставясь на полный бокал, отрывисто выбрасывал слова. — Предали крепость. Продали. Называете себя авангардом. Экспериментаторы. Как бы не так. Государственная измена — вот что это такое. Научная похлебка. Пустили под откос всю честную компанию.

— Абстрактная живопись — уже не авангард. И разве лучшая пропаганда гуманизма не основана на свободе творчества?

Снова пауза.

— Трепотня.

Дэвид принужденно улыбнулся.

— Значит, назад, к социалистическому реализму? К контролю со стороны государства?

— А вас что контролирует, Уилсон?

— Уильямс, — поправила Мышь.

— Бросьте эту либеральную болтовню. Наслушался я ее на своем веку. *Игра по правилам*. Труссы. — Бресли нацелился на Дэвида пальцем. — Я слишком стар для этого мой мальчик. Слишком многое повидал. Слишком много людей погибло во имя порядочности. Терпимость. Чтоб зады себе не перепачкать»³² (курсив автора. — В. Л.).

Бресли не хочет играть по правилам, не хочет спорить по правилам, он совершает все те ошибки, которые перечислял Поварнин: переход на личности, брань, инсинуации, из-

³² Фаулз Д. Указ. соч. — С. 310–312

менение тезиса, бесформенность, отсутствие опровержения. Но это ошибки с гносеологической точки зрения. Бресли же ведет спор совсем из других соображений. Нападая, он защищается, защищает свое «я» от, как ему кажется, угрожающих всему делу его жизни, новейших тенденций в искусстве, персонифицированных в лице Дэвида. Агрессивность Бресли проистекает из сознания неуверенности, возможной потери собственной значимости в современном мире, из сознания пошатнувшегося статуса, поколебленных основ, из чувства зложника, оказавшегося в стане врага. «Думали хладнокровно прикончить меня? Я на это не иду»³³. Поэтому как homo polemicus он не особо прислушивается к тому, что ему говорят, и стоит на смерть. «Чем убедительней ваши аргументы, — говорит Мышь о Бресли, — тем меньше он вас слушает... Это такой своеобразный стиль. В нем есть даже что-то искреннее. Словно он хочет сказать: «Я не снизойду до твоего возраста. Я стар, хочу быть самим собой и понимать тебя не желаю»³⁴. Вот слова, которые homo polemicus может начертать на своем знамени: «Хочу быть самим собой и понимать тебя не желаю». Дэвид прекрасно все видит. Он видит перед собой «бумажного тигра», человека, «который все еще жил в мире, существовавшим до его появления на свет. Вспышки агрессивности Бресли были основаны на смехотворных, изживших себя представлениях о том, что может шокировать людей, служить той красной тряпкой, которая приводит их в бешенство; как это ни грустно, но разговор с Бресли напоминал игру матадора со слепым быком»³⁵. Спорить бессмысленно, доказать ничего невозможно, а главное *не нужно*. «К чему опять ломать копыя, — думал Дэвид после окончания второго раунда поединка, — когда вопрос этот давно решен — de facto и de jure — еще задолго до рождения Дэвида? Не всякая форма естественна, а цвет не подчинен ей... Споры на эту тему так же излишни, как споры о знаменитой теории относительности Эйнштейна.

³³ Фаулз Д. Указ. соч. — С. 307.

³⁴ Там же. — С. 337.

³⁵ Там же. — С. 296.

Ведь расщепили же атомное ядро. Можно оспаривать применение, но не принцип»³⁶.

Однако и Дэвид — homo polemicus, он также ведет спор не объективной истины ради, а ради обороны собственных экзистенциальных рубежей. Ответить на вызов для Дэвида — это значит отстоять то, что он «действительно живописец», а не «всего-навсего бездарный пустобрех»³⁷. Поэтому он продолжает полемику, которую Мышь, взявшая на себя роль посредника (собственно, она не случайно — Мышь, медиумическая ее функция в повести глубоко архетипична), переводит на язык «правильного спора», язык тезисов и аргументов.

«— Он хочет сказать, Генри, что твоему искусству и твоим взглядам на искусство ничего не угрожает. Места хватит всем...

— По мнению Генри, нельзя относиться терпимо к тому, что считаешь дурным...

— Искусство есть форма речи. Речь должна опираться на то, что нужно человеку, а не на абстрактные правила грамматики. Ни на что, кроме слова. Реально существующего слова...

— Отвлеченные понятия в самой своей основе опасны для искусства, потому что отвергают реальность человеческого существования. А единственный ответ фашизму — это реальность человеческого существования»³⁸.

Бресли формулировал экспрессивней: «Лучше уж чертова бомба, чем Джексон Боллок»³⁹.

Отцы и дети. Спор поколений. Человек, «продолжавший мыслить категориями титанических битв начала двадцатого века», отождествляющий жизнь и искусство, строящий одно как другое, и человек, для которого «дегуманизация искусства», автономность его мира так же естественны, как логика или техника массового образования. Мифический, законсервированный, обособленный мир старика, мир остановленного времени, мир, в котором еще живы первобытные инстинкты,

³⁶ Фаулз Д. Указ. соч. — С. 313.

³⁷ Там же..

³⁸ Там же. — С. 313—314.

³⁹ Там же. — С. 315.

а обычные повседневные будни как бы сошли с полотен великих художников, мир, в котором жизнь напоминает грезу, кельтское предание, и современный мир рефлексии, анализа, разума, разложившего цветовую палитру природы, мир коммерческого успеха, мир, в котором уже нет надобности спорить о вкусах и вести бои за эстетику, мир, основанный на респектабельности, открытости, плюрализме и непредубежденности.

Вечерний поединок окончен, но спор для спорящих не завершен. Он поселился в их сознании и продолжает развиваться, как продолжает свое движение черновик, делая временные остановки у причала чистовика. Они уже никогда не выберутся на безопасную сушу, на территорию устойчивости. Их захватил поток экзистенциального спора, где волны тезисов и аргументов наплывают друг на друга, меняются местами, повторяются, разбегаются в разные стороны, но никогда не утихают. «В тоне Бресли звучала горечь; вдруг вспыхнул крошечный красный огонек; что-то еще болело. Дэвид видел, что разговор возвращается к спорам об абстракционизме и реализме и к воспоминаниям об Испании. Неприязнь старика к Пикассо стала понятна»⁴⁰. Для *homo polemicus* быть — значит быть в состоянии черновика, незавершенности, в состоянии вопроса, онтологической подвешенности. Но *homo polemicus* должен вечно подбирать слова, доводы, варьировать, тасовать, перебирать возможные тактики защиты и нападения, быть готовым упреждать удары, переформулировать позиции. Спор живет в нем, потому что он живет в споре, и наоборот. Телохранилитель собственного «я», он отвечает за его тотальную оборону, разучивает боевые приемы, тренируется в боевых искусствах.

Но экзистенциальный спор знает совершенно неожиданные и непредсказуемые смещения. Но *homo polemicus* вдруг сам отдает врагу ключи от обороняемой крепости, переходит на его сторону, сдает «я». Но вот парадокс: это переживается не как измена или предательство, а, наоборот, как дар, как при-

⁴⁰ Фаулз Д. Указ. соч. — С. 347.

обретение для «я» новой, неслыханной ранее онтологической возможности.

Так, Дэвид вдруг осознает, что «слепым быком» был скорее он, а не Бресли. Правда, ему для такого перерождения понадобился еще и стремительный, «противоречащий логике»⁴¹ роман с Мышью, роман, высветивший в Дэвиде то, что он успешно прятал от самого себя, что обходил, как «явный подводный риф в первый вечер в разговоре со стариком»⁴². Выехав из Котминэ, он увез спор с собой, в себе. Голос Бресли, его точка зрения теперь зазвучали в сознании Дэвида по-другому, нашли здесь свою агентуру. На какое-то время Дэвид стал Бресли, посмотрел на себя его глазами. «Теперь же он увидел страшную картину — он в тупике, ибо он родился в период, который грядущие поколения, говоря об истории искусства, назовут „пустыней“... Художник боится, как бы его живопись не отразила его образа жизни, а возможно, этот образ жизни так дискредитировал себя, художник так старается устроится поуютнее, что он невольно стремится замаскировать пустотелую реальность с помощью технического мастерства и хорошего вкуса. Геометрия. Безопасность, скрывающая отсутствие какого-либо содержания... Дэвид же углубился в книги, рассматривает искусство как общественный институт, науку, академическую дисциплину — как дело, требующее субсидий и дебатов в различных комиссиях... Дэвид и его сверстники, а также те, кто придет им на смену, уподобившись зверям, рожденным в неволе, будут только созерцать из своих клеток ту зеленую свободу, которой пользуется старик. Дэвид понял, что произошло с ним за истекшие два дня: точно подопытной обезьяне, ему дали возможность взглянуть на свое утраченное подлинное „я“. Его ввело в заблуждение излишнее следование моде, поощряемая официально фривольность, кажущиеся свободы современного искусства; он не догадывался, что все эти свободы проистекают из глубокого разочарования, похороненного, но еще не совсем

⁴¹ Фаулз Д. Указ. соч. — С. 370.

⁴² Там же. — С. 376.

задавленного сознания несвободы»⁴³. Дэвид понял, суть его жизни — это безопасность, отсутствие риска, «нормальный логический процесс», страх перед экзистенциальным выбором, страх в силу естественного желания нравиться, в силу «представления себя другим в повседневной жизни» (И. Гофман). Все язвительные реплики, которые бросал ему Бресли, теперь Дэвид сам адресовал себе: «кастрация», «триумф евнуха», «башня из черного дерева».

Спор есть *бытие другим* в не меньшей степени, чем бытие самим собой. Трансформируется сам статус «я»: «я» отыскивается в другом, становится другим, а следовательно, вообще начинает *становиться*. Дэвид не использовал эту возможность, не использовал возможность *быть возможностью* или *другим*, что тоже самое. Временный переход на сторону другого, «возможность взглянуть на свое утраченное подлинное „я“⁴⁴ завершились для Дэвида сознанием того, «что он никогда не станет другим, что будет писать по-прежнему, выбросит этот день из памяти, всему придумает иное толкование... Рана заживет, корка отвалится, и кожа будет гладкой, как прежде»⁴⁵. Возможность быть другим для Дэвида закрылась.

«Она спрашивает:

— Ну а ты, милый, как?

Он сдается тому, что осталось: абстракции.

— Уцелел»⁴⁶.

И тем не менее нет никаких оснований считать, что спор для Дэвида завершен. Более того, утрата одной из экзистенциальных возможностей спора только подчеркивает, что для Дэвида будет всегда актуальной защита своего собственного «я», того «я», которое у него уже имеется, которое он отождествил с одним из направлений в живописи и одним из отношений к жизни. Он действительно будет всему, что с ним случилось в Котминэ, «придумывать иное толкование», будет оправдывать себя, защищать от потенциальной угрозы, от

⁴³ Фаулз Д. Указ. соч. — С. 377—378.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Там же. — С. 380.

⁴⁶ Там же.

нападений Бресли, точно так же, как Бресли всю свою жизнь спорит с очными и заочными оппонентами, борется с ветряными мельницами, держит глухую оборону. Дэвид подхватил знамя Бресли, знамя homo polemicus, знамя, на котором начертано: «Хочу быть самим собой и понимать тебя не желаю». Жизнь Дэвида стала спором, в который он невольно оказался втянут, *спором-черновиком*, спором как вечным зановозавоеванием своего «вот».

В. Транс-спор или спор супрематический

Спор как ответ на вызов и бытие другим — две равно-возможные и разнонаправленные экзистенциальные стратегии спора. У Дэвида они чередовались, следовали друг за другом, пока не победила первая, которая для Бресли была единственно приемлемой. Однако это не значит, что две указанные стратегии реализуются в споре только в одиночку, либо чередуясь. Сложность, многомерность и феноменологическая парадоксальность спора в том и состоит, что и homo polemicus и бытие другим могут актуализироваться одновременно, то есть во время длящегося *актуального Теперь* переживания, во время *пере*; оба вектора могут совмещаться, накладываться, как раз образуя ту напряженную экзистенциальную незавершенность и переходность спора, которая прежде всего и делает его фундаментальным способом человеческого бытия. Спорить — значит быть собой и быть другим одновременно, отстаивать свое «я», которое оказывается «я» другого, становиться другим, тем самым обороняя свое «я». Собственно говоря, в этом случае такие понятия, как «я» и «другой», размываются, превращаются в призраки, их онтическое измерение заключается в скобки. Спорящий входит в чистое состояние спора, знающее только экзистенциальные вектора, отсылающие буквально ни к чему, в никуда, в чистые противоположности, без какого-либо намека на их онтическое закрепление. Это спор как транс, как метафизический транспорт, мчащийся по смысловому полю без видимых ориентиров. Для такого спора не важен, а по существу, и не нужен предмет: предмет становится поводом, трамплином, остающимся далеко

позади траектории прыжка. Это спор *супрематический*, поскольку он довлеет над любой предметностью, превосходит, вытесняет ее, как с картин Каземира Малевича. Это спор *ни о чем*, потому что он сам *что-то*. Он перестал быть средством и стал целью в себе, *искусством ради искусства*, спором *самовитым*, спором *как таковым*, еще одной пощечиной общественному вкусу. Супрематизм спора, чистые формы, раскрашенные плоскости, их причудливые сочетания, черное на белом, белое на черном, квадраты и круги — экзистенциальная серафическая материя спора, наркотическое зелье смысла, забвение сущего и открытие бытия!

Супрематия спора сродни парадоксу шпиона, как его феноменологически описывает А. Секацкий. В какой-то момент у шпиона начинает действовать тяга к «двойной игре». «Главная причина возникающего влечения — в том, что первоначальная сладость смены идентификации требует повторения. Поменяв однажды ряд важнейших экзистенциалов, определяющих человеческий удел, — имя, родину, биографию и т. д., выпутавшись из связки, которая для простого смертного завязана двойным узлом, агент вступает в пространство свободы, знакомое лишь настоящему номаду — одинокому кочевнику, пирату, транссексуалу. Его настоящей родиной становится не какое-то конкретное отечество людей, а сама среда шпионажа: так рождается Супер-шпион... И здесь, уже на следующем диалектическом витке, мы достигаем новой развилки парадокса? Именно они, супер-шпионы, подозреваемые в измене, сохранили верность однажды сделанному выбору — чему-то (или кому-то) оказавшемуся для них внутренне подлинным — штирлицу в себе»⁴⁷.

Родина спорщика-супрематиста — не «я» и не «другой», а спор как таковой. Бесконечное черновое полотно трансспора позволяет вкушать «сладость смены идентификации», осуществлять отказ от любой окончательной идентичности, самоидентичности. Транс-спор — это контрабандный индийский товар под европейскими этикетками, это прорыв

⁴⁷ Секацкий А. Три шага в сторону: Роман, эссе. — СПб., 2000. — С. 172.

цинковой скорлупы европейского *ratio* и появление на свет существа, не желающего быть субъектом, не мечтающего о владении истиной, а потому и миром. Это желание чистой незавершенности, бреющего существования, экзистенциальной левитации, парения над собственным земным уделом. Транс-спор — это разновидность медитативной практики, пользующейся языком университетов, языком научных статей, птичьей глоссолоалией профессорской речи.

Почему спорщик вступает в спор? Чтобы доказать свою правоту? Но если он уверен в своей правоте, зачем ему вступать в спор? Если для него тезис бесспорен, зачем он предоставляет его стихии спора? Неужели, чтобы убедить в нем другого? Неужели спорщик так наивен? Нет, конечно, секрет этого порыва иной — влечение к спору. Пускаясь в доказательство, спорщик производит спорность собственной точки зрения, потому что все, о чем идет спор, небесспорно по определению. Даже вознамерившись по гносеологической или просто человеческой наивности доказать нечто безусловное, спорщик производит спорность как таковую. Спор — смертельная онтологическая воронка, засасывающая любой находящийся поблизости предмет, засасывающая экзистенцию, увлекающая ее на дно, поближе к затонувшим цивилизациям. Все, что может обещать спор, — это отсутствие гарантированности, отсутствие безопасности. Безопасна истина. Безопасен чистовик: почва, знание, суша, «я». Но вот слышится вызов, и экзистенция отправляет *security* в долгосрочный неоплачиваемый отпуск, выбирая судьбу *homo polemicos* или устремаясь к *другому* как к своей возможности, или, наконец, решаясь на супрематию, чистое бескорыстное и смертельное для всякой идентичности служение спору, решаясь на черновик как совершенно особый способ бытия.